

КОТИШЕ из «НУ, ПОГОДИ!»

Павел
УЛЬЯШОВ

Режиссер знаменитого мультипликационного сериала «Ну, погоди!» Вячеслав Котеночкин утверждает, что его фильм – и для детей, и для взрослых. Тридцать лет не сходит с экранов знаменитый мультик. И сегодня, наверное, зрителям всех поколений интересно знать, как незадачливый Волк и хитроумный Заяц делали свои первые шаги. А кто-то, возможно, захочет попробовать свои силы в искусстве «мультяшки». Что ж, с чего-то надо начинать. Почему бы не с самого режиссера?

– Вячеслав Михайлович, вы такой рослый дядя, прямо «достань воробышка», а фамилия какая-то ласкательно-уменьшительная. Это псевдоним?

– Нет, я с детства Котеночкин. С того самого дня, 20 июня 1927 года, когда появился на свет в Москве, в родильном доме имени Крупской. Но, конечно, до школы меня никто не называл по фамилии. Все больше Соловьев, производное от Славки. А в школе сразу прилепилось прозвище Котенок. Но по мере того как я рос, Котенок сменился на Кота, а потом и на Котище. Только мальчики ко мне обращаются просто: «Здравствуй, Котеночкин!». Ну им виднее. А что, хорошая фамилия. Для режиссера мультиков такая подходит, а карьеру секретаря райкома я и не собирался делать.

– Так это фамилия потянула в мультипликацию?

– Нет, я сначала увидел «Чапаева» и стал рисовать легендарного комдива. Жаль, ни одного рисунка той поры не сохранилось. Родители мои не собирались делать из меня вундеркинда: рисует мальчик, ну и ладно, все дети рисуют. Но был у меня дядя Леня, мой крестный, человек более обеспеченый, чем мои родители, а может, и более дальновидный. Увидел он как-то один мой «чапаевский» рисунок и дал в наряду аж десять рублей. Гигантская сумма! И что с ней делать? «А ты положи деньги в сберкассу», – сказал мой меценат. В сберкассе, как ни странно, взяли мои десять рублей и выдали взамен маленькую книжечку. Потом я все-таки потратил эти деньги, и правило сделано, иначе бы Егор

Гайдар, несмотря на наше личное знакомство, их бы «уценил».

– Ну это бизнес. А как же мультики?

– Тоже были связаны с наградами. За школьные успехи, в том числе и в рисовании (я вообще был отличником – такой вот правильный, образцовый заяц из будущего фильма, до которого было еще три десятка лет), меня пригласили на елку в Колонный зал Дома союзов. Там было множество аттракционов, я бродил от одного к другому, пока не попал в комнату с зашторенными окнами, где по экрану двигались смешные рисованные фигуры – то ли людей, то ли зверушек. То были первые мультики, которые я запомнил на всю жизнь: «Муха-цокотуха» по Чуковскому и «Квартет» по Крылову. В 1946 году я пришел на Калляевскую, 32, в «Союз-

мульфильм». Здесь и проработал всю жизнь. Так что у меня в трудовой книжке – одна-единственная запись.

– Большое кино вас никогда не привлекало?

– Я начинал художником-мультипликатором, режиссером стал значительно позднее, набравшись опыта. И не разделяю мнения, что мультипликация – это какое-то малое кино или, как его называют, неигровое. Как раз наоборот, мультипликационные фильмы – самые игровые, самые динамичные и выразительные. Нет такого трюка, который не мог бы исполнить мой нарисованный герой. И вообще, мультипликация начинается там, где кончаются возможности других видов искусства. Самые фантастические, сказочные сюжеты реализуются средствами мультипликации. А какой же это неигровой фильм, если его персонажи разговаривают голосами лучших актеров театра и кино? Был у нас воробей Чик в фильме «Высокая горка». Вы думаете, я его увидел среди снующих за окном драчливых серых разбойников? Ошибаетесь. Я его узнал, когда к нам на студию зашел молодой чело-

Феликс Камов и Александр Хайт – привезли в студию сценарий со странным названием «Ну, погоди!», где волк-хулиган все время преследовал симпатичного зайца, но попадал впросак. Сценарий соответствовал запланированной теме. Пару составляли положительный малыш и отрицательный везиля. Один – из мягких игрушек, другой – из жестких. По мере чтения сценария у меня стали в голове возникать черты обоих персонажей – плотненького Зайца и тощего Волка. Я укоротил сценарий с восьми эпизодов до двух и принял его как подготовительную работу: типажи, расшифровка, раскадровка и т.д. Естественно, со мной работала целая группа художников – Светозар Русаков, Виктор Арсентьев, монтажеры, звукооператоры... На худсовете спрашивали: «Кого предла- гаете на озвучение?» – «Заяц, – отвечаю, – Клара Румянова». – «А Волк?» – «Владимир Высоцкий». Я уже сделал ему предложение и получил согласие. Тут мне заявляют, что вчера состоялся пленум ЦК комсомола, где говорили о творческом влиянии песен Высоцкого. Короче, Высоцкого не утвердили. Я думаю, если бы тогда я начал работать с Высоцким, получилось бы совсем другое кино.

– Клара Румянову вы почему выбрали?

– На Калляевскую дошел слух, что на «Мосфильме» объявилась актриса, умеющая орать дурным голосом. А нам «дурные голоса» ой как нужны! Но вы заметьте, Клара Румянова придумала для Зайца совершенно особенный голосок, излучающий и благополучие, и самоуверенность, и наглость – этакий зайчишка, который из любой ситуации вывернется. Не только из рисунка, но и из голоса складывается характер.

– И как на роль Волка попал Папанов?

– Я был знаком с Анатолием Дмитриевичем еще по фильму «Межа», где он играл Змея Горыныча. Приходя в студию, он перевоплощался мгновенно – это казалось просто чудом. Когда Папанов умер, казалось, все – сериал надо закрывать. А тут монтажер Маргарита Михеева и говорит: «Я ничего не выбрасывала – все черновые варианты записей Анатолия Дмитриевича у меня сохранились». И в новых сериях снова зазвучал голос Папанова: «Ну, Заяц, погоди!»

Кстати, вы не замечали, что у Папанова «заяц» сначала превращается в «заец», а потом и в «зац»? Это отзвук затеянной во времена Хрущева реформы по правописанию русского языка, в русле которой предполагалось писать именно «заец». Но идея эта не прошла.

– У вас целый «чумудан» наград. Какой вы более всего дорожите?

– «Орденом улыбки». Его мне присудили польские дети за доброе, веселое и человечное кино.

А как по ходу записи умел импровизировать Папанов! Вот в серии, где в козябельной каютке на Волка с полки падает чемодан, а потом и вовсе начинает гоняться за ним (фантазия художников-мультипликаторов!), Папанов, явно искашая сценарий, вместо написанного: «Ну, чумудан...», что незамедлительно входит в поговорку. И в том, как он произносит это слово, в этом «чумудане» – вся биография нашего героя, его образование, его среда, неустроенная жизнь. Доверчивый он, в общем, волчара, хотя и хулиган. И сразу видно, что Волк и этот благополучный, но нахальный зайчишка, оказывается, из разных социальных слоев. Жалко этого разнесчастного Волка.

– Вы не устали от своих героев?

– Я не раз порывался закончить их похождения, но в ответ получал обвал писем и телефонных звонков с просьбами продолжить сериал. В особенности меня поразило одно письмо, где крупными буквами детским почерком было начертано: «Ну, Котеночкин, погоди!» Пришлось сделать еще несколько серий и опять объявить о прекращении сериала. С почты принесли семь мешков писем, среди которых было такое: «Прошу делать фильм «Ну, погоди!» бесконечно и с продолжением. Вова Бушев». Ну и как бы вы поступили на моем месте после такого заказа? Сериал прервала сама жизнь – началась «перестройка», реформы, и на 18-й серии работы прекратилась. Но нашлись ловкие ребята, которые решили «прихватизировать» наш фильм, и быстренько сварганили две убогие и примитивные серии с нашими героями и даже показали их по телевидению. Мы этих дельцов охладили, что, учитывая нечеткость авторского права в мультипликационном кино, сделать было не так просто.

– А что сегодня происходит на «Союзмультфильме»?

– На Калляевской, 32, уже никого нет – здание возвращено церкви. Киностудию придется воссоздавать, по сути, заново и, видимо, уже новому поколению художников и режиссеров. Я рад, что в мультипликацию пришел мой сын – Алексей Котеночкин (он рисовал Зайца и Волка в последних сериях). Ему и его друзьям предстоит продолжать традиции старых мастеров, создавших великое российское мультипликационное кино.

– У вас целый «чумудан» наград. Какой вы более всего дорожите?

– «Орденом улыбки». Его мне присудили польские дети за доброе, веселое и человечное кино.